

# Ответ Я.А. Кронроду («Капитал» К. Маркса и проблема стоимости)

5 апреля 1961

В § 2 журнала «Вопросы экономики» тов. Я.А. Кронрод опубликовал письмо «об ошибочном освещении вопросов марксистской экономической теории» в книге «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса».

После некоторых размышлений я понял, что не могу оставить это письмо без ответа. Дело не в том, что тов. Кронрод, опираясь на ряд выхваченных выражений, приписал мне откровенно несуразные воззрения. Мне меньше всего хочется доказывать, что обыгранные им фразы в контексте книги звучат совсем иначе, чем в контексте письма тов. Кронрода. Ради этого не стоило бы затевать публичную полемику. Тем более, что некоторые из отмеченных тов. Кронродом выражений действительно не совсем точны и корректны, так что защищать их было бы глупо.

Однако для меня совершенно очевидно, что в форме (или под видом) критики книги тов. Кронрод старается упрочить свою собственную версию «методологии «Капитала», ту самую версию, которой он обязан серьезной путаницей в проблеме товарного производства и стоимости при социализме. А это вопрос достаточно серьезный, чтобы поговорить о нем открыто.

Дело вовсе не в том, что тов. Кронрод приписал мне нелепый тезис, согласно которому Маркс, якобы, начинает свое исследование анализом «не товара, а стоимости». На это я могу сказать только, что такого тезиса в книге нет. Там, наоборот, разъясняется не раз и не два, что научные определения «стоимости» образуются Марксом как раз в ходе анализа *товара и обмена товаров* (см. с. 183, 185, 209, 213, 245 и т.д.).

Дело в том, что тов. Кронрод возражает вообще против того положения, что Маркс в «Капитале» рассматривает *стоимость* как наиболее всеобщую категорию товарного производства вообще, а потому и товарно-капиталистического производства. По мнению тов. Кронрода нельзя вообще говорить о «стоимости» как об исходной категории «Капитала», и о понятии стоимости — как о наиболее всеобщем и наиболее полном выражении экономических условий товарного производства.

В книге говорится о том, что Маркс прежде всего разрешил проблему стоимости в ее общей форме, развернул теоретическое понимание стоимости. Тов. Кронроду это утверждение почему-то кажется умалением роли анализа «товара». Он настойчиво утверждает в противовес этому, что Маркс начинает не с анализа стоимости, а с анализа товара. Всякий же разговор о том, что стоимость есть «исходная» всеобщая категория «Капитала», представляется тов. Кронроду повторением ошибки вульгарной буржуазной

экономии... На этом основании тов. Кронрод адресует к книге все те сарказмы, которых в свое время удостоился от Карла Маркса Адольф Вагнер.

Тов. Кронрод, как мне кажется, просто плохо понял – за что именно бичевал этого путаника от науки Маркс.

Карл Маркс издевался над Вагнером вовсе не за то, что тот вообще говорит о «стоимости», что эту «стоимость» он хочет определить путем схоластических рассуждений по поводу смысла слова «стоимость».

А тов. Кронрод решил, что Маркс был вообще против «всеобщей теории стоимости», против специального анализа стоимости как самой всеобщей и абстрактной формы продукта труда в условиях товарного производства вообще.

Для тов. Кронрода, по-видимому, совершенно безразлично при этом, – вырабатываются ли теоретические определения стоимости путем схоластического умствования над словом стоимость, как у Адольфа Вагнера, или же они образуются в ходе анализа действительной общественной формы продукта, производимого как товар... Для тов. Кронрода это – одинаково «гегельянщина»...

Как будто разница между Марксом и Вагнером состоит в том, что один говорит о «товаре», а другой – о «стоимости»! Как будто нельзя о стоимости говорить по-марксистски, а о «товаре» рассуждать вполне по-вагнеровски! За примерами, к сожалению, далеко ходить не приходится...

Согласно Марксу *стоимость* есть реальная *общественная* форма продукта, который производится как товар, – в противоположность его натуральной форме – «потребительной стоимости». Это – не просто «одна сторона» товара, как то изображает тов. Кронрод. Это – общественная (экономическая) *сущность* товарной формы продукта. Поэтому-то анализ стоимости и совпадает с анализом «товара» как конкретного общественного образа продукта труда.

Именно поэтому в произведениях классиков марксизма-ленинизма «стоимость» сплошь и рядом выступает как синоним «товара». Стоимость продукта труда – это вовсе не «одна сторона», а та общественная форма, развитие и движение которой *подчиняет себе* движение «потребительных стоимостей», вещественного содержания продукта.

Поэтому-то Маркс и рассматривает «стоимость» как действительную «сущность» товара, имеющую *самостоятельное существование* вовсе не только в виде «абстракции», вовсе не только в абстрагирующей голове теоретиков.

«Те, кто рассматривает самостоятельно существование стоимости только как абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu* [в действии]. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается». В форме капитала «стоимость» воочию обнаруживает, что она – не просто «одна сторона товара», – и не «кредит товара», а *субъект*, «метаморфозами» которого становятся и «товар» и «деньги»... В этом смысле Маркс и говорит, что как капитал стоимость есть «самодействующий субъект», «саморазвивающийся субъект», «самодвижущаяся субстанция» (см: Маркс К. Капитал, т. II, с. 160-161).

Все эти выражения, принадлежащие Марксу и воспроизведенные в книге Ильенкова, тов. Кронрод просто клеймит как ненужный, «гегельянизированный способ выражения», как рецидив гегельянской мистики.

Между тем *гегельянская* мистика тут совсем не при чем. То, что тов. Кронрод принимает за таковую, есть на самом деле совершенно точное теоретическое выражение *действительной мистики товарной формы* продукта труда – или его «стоимости».

Превращение «стоимости» из «предиката продукта труда» – в «субъект», из «одной стороны» этого продукта, мысленно выделяемой в товаре, – в «сущность, имеющую самостоятельное существование» и подчиняющую себе движение продукта, произведенного как товар, – есть действительно «мистика».

Но эта мистика получается вовсе не в голове человека, начитавшегося Гегеля, а в действительности товарного производства. В этой «мистике» вся суть *товарной формы* продукта труда.

«Это переворачивание, посредством которого чувственно-конкретное выступает лишь как форма проявления абстрактно-всеобщего, а не абстрактно-всеобщее – как свойство конкретного, – и характеризует стоимостное выражение. Это и делает трудным его понимание», – отмечал Маркс. (*Das Kapital*. S. 771). Это переворачивание и делает товар (стоимость) «нелепой и мистической формой» выражения общественного характера отдельных работ.

«Когда я говорю: сюртук, сапог и т.д. относятся к холсту как всеобщее воплощение абстрактного человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза».

Тов. Кронрод предпочитает закрывать глаза на эту нелепость, предпочитает истолковывать ее только как нелепость «гегельянизированного выражения». Почему? – Да просто потому, что ему во что бы то ни стало хочется изобразить «стоимость» как «форму продукта», адекватную непосредственно-общественному труду. (См.: Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Москва, 1959, с. 133 и следующие).

Дело в том, что в «Капитале» *стоимость*, как реальная общественная форма продукта, раскрывается как *внутренне-противоречивая* форма, развитие которой Маркс и прослеживает, выражая его в *понятиях*.

Иными словами, «развитие понятия стоимости» в «Капитале» *отражает* «саморазвитие товарной формы продукта», т.е. *стоимости*. Тов. Кронрода это пугает.

Ему сразу же мерещится «теория саморазвития понятия», «гегельянщина».

Известный тезис материалистической диалектики гласит, что действительность надо понимать в ее саморазвитии. Но ведь мало признавать этот тезис. Надо еще уметь выразить (отразить) это саморазвитие о развитии понятий, в логике *движения понятий*. В.И. Ленин считал очень важным анализ «Капитала» с этой точки зрения. Вот и приходится такой анализ производить, несмотря на окрики и обидные обвинения в «гегельянщине».

Для меня, как автора книги, конечно досадно, что тов. Кронроду удалось обнаружить в тексте ряд неточных выражений, – таких формулировок, где «товар» и «стоимость» не следовало бы употреблять без оговорок как синонимы. Такое неосмотрительное

словоупотребление и дало тов. Кронроду повод поставить под сомнение вообще правомерность анализа «Капитала» с точки зрения *развития понятий*, отождествить такое исследование с теорией «саморазвития понятия». Но это, пожалуй, уже несколько иной разговор.

На этом можно было бы и кончить. Однако под обвинением в «гегельянщине», в гегельянской версии стоимости, кроется и еще кое-что.

Воюя против всеобщей теории стоимости (теории стоимости как таковой, стоимости «вообще»), тов. Кронрод на самом деле воюет против того положения (действительно развиваемого в книге), что К. Маркс в «Капитале» разработал *всеобщую теорию товарного хозяйства*, – или теорию товарного хозяйства *вообще*, «как такового», и что эта теория имеет силу для всякого товарного хозяйства.

У тов. Кронрода здесь имеется своего рода «корыстный» интерес. Дело в том, что такое понимание прямо бьет по его концепции товарного производства (тем самым стоимости) при социализме.

Согласно тов. Кронроду «товарное производство имманентно социалистическим производственным отношениям», и «социалистическое производство в целом представляет собой товарное производство» (см.: цит. изд., с. 142, 149). Товарное производство вместе с выражающими его категориями «не привносится извне, не порождается «недоразвитостью» отношений социализма. Оно внутренне присуще развитым, последовательно социалистическим отношениям производства» (там же, с. 142).

Поскольку социалистическое производство *в целом* трактуется им как *товарное производство*, т.е. как разновидность товарного производства вообще, постольку перед тов. Кронродом сразу же встает щекотливая задача – как быть с тем пониманием стоимости, которое развито в первой главе «Капитала»?

Тов. Кронроду остается одно – отрицать, что марксова теория стоимости – это наиболее всеобщее и наиболее полное выражение экономических условий товарного производства *вообще*.

Тов. Кронрод вынужден рассуждать так. Понимание стоимости у Маркса было, де, получено на основе обобщения тех фактов, которые были известны Марксу. При этом, де, Маркс не учитывал и не мог учитывать «опыта социализма», как *разновидности* товарного производства. А отсюда прямо возникает задача – подправить теорию стоимости Маркса с таким расчетом, чтобы она могла охватывать также и «опыт социализма» (См.: цит. изд., с. 149).

Здесь обнаруживается с очевидностью, что тов. Кронрод ошибочно толкует вопрос об отношении категорий товарного хозяйства вообще – к категориям товарно-капиталистического производства, как самой развитой исторической формы товарного производства вообще.

Дело в том, что *понятие* стоимости является наиболее всеобщим и потому наиболее полным и исчерпывающе-конкретным выражением экономических условий товарного производства, – и ни в коем случае не товарно-капиталистического. Она имеет в виду товарное, и только *товарное* производство.

По этой причине она совершенно не касается тех модификаций, которые претерпевают (и вообще может претерпеть) товарное производство под воздействием других способов производства, – в том числе и товарно-капиталистического.

Именно поэтому она остается верной совершенно безотносительно к опыту феодализма или к опыту социализма, – и вообще к какому угодно «опыту», кроме опыта товарного производства. Всякий другой «опыт» ее просто не касается.

Если производство вообще остается *товарным* – сохраняет полную силу все то, что вскрыл в нем своим анализом Маркс.

По той же самой причине эта теория не говорит *ровно ничего* о том, что может вообще случиться с категориями товарного хозяйства под воздействием других способов производства, в составе других, более сложных форм производственных отношений – будь то капитализма или социализма.

Это – совершенно особая задача, подлежащая совершенно особому исследованию.

По отношению к капитализму такая задача решена самим Марксом в последующих главах «Капитала». Эти главы и показывают, во что превращаются категории простого товарного производства, когда это производство развивается в капиталистическое.

Ближайшим результатом здесь оказывается *всеобщее распространение* товарной формы, превращение формы стоимости продукта труда – во всеобщую и самую абстрактную форму всего производства в целом. Здесь товаром, т.е. стоимостью, становится *весь* продукт общественного труда, без всяких исключений, – включая *рабочую силу*.

Это значит, кроме всего прочего, что категория стоимости является *всеобщей* (наиболее абстрактной) категорией *только при капитализме*. Ни одна другая формация этого не знает. Поэтому «на почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистическое» (Капитал, т. 1, с. 630), и лишь начиная с того момента, когда в товар превращается и рабочая сила, «товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства» (там же, с. 592).

Именно поэтому, и только поэтому *товарная форма*, или *стоимостная форма продукта* оказывается также и самой всеобщей, самой абстрактной формой продукта капиталистического производства. Поэтому капитализм и квалифицируется Марксом как наиболее развитое *товарное производство*, как естественный предел и максимум развития товарного производства *вообще*. Поэтому-то в форме стоимости и находит выражение *специфика* буржуазного общества. В этом – весь смысл анализа товарного производства и стоимости, производимого в первой главе «Капитала». Поскольку капиталистическая организация производства сохраняет *стоимость* в качестве всеобщей формы продукта, – постольку она не может устранить и противоречий, имманентно присущих стоимостной форме продукта вообще.

Судьбы товарного производства и категорий, выражающих его имманентные (органически присущие ему) особенности, – и прежде всего *стоимости*, в процессе *социалистического и коммунистического обобществления* производства – это вопрос столь же особый, вопрос колоссальной практической и теоретической важности.

Тов. Кронрод этот вопрос решает по-своему – и, на наш взгляд, сугубо неправильно, в духе той «методологии», которую он старается узаконить под видом критики «гегельянских заблуждений».

Вместо того, чтобы исходя из совершенно бесспорных понятий, выражающих *природу товарного производства вообще*, конкретно проанализировать судьбы этого товарного производства в ходе коммунистического обобществления всех звеньев народного хозяйства (т.е. в ходе того всемирно-исторического процесса, который начался в 1917 году и продолжается по сей день), – он зачем-то начинает «исправлять» – а на самом деле портить – ту теорию товарного производства, которая разработана в «Капитале».

Прежде всего он считает нужным пересмотреть эту теорию товарного производства вообще (тем самым и понятие стоимости «вообще») в том пункте, который касается тех условий, при которых продукт труда вообще превращается в товар, т.е. в стоимость.

Маркс, как известно, установил, что в товаре в стоимость превращается *только* продукт труда, не имеющего *непосредственно-общественного* характера и значения. Условием, без которого вообще невозможно (а потому и немыслимо) превращение продукта труда в товар, т.е. в стоимость, является, согласно Марксу, та или иная форма или *степень независимости друг от друга отдельных звеньев общественно-разделенного труда*, отдельных («частных») работ.

Нет этого условия – нет и товара, нет и стоимости. Это – не «частное мнение» К. Маркса, не деталь, которую можно было бы выбросить без ущерба для всей его остальной теории стоимости, а категорический вывод из анализа самой природы, самого «существа» товарной формы.

Это – именно вывод анализа, – то есть исследования, восходящего от факта – к пониманию *условий возможности* этого факта. Это – важнейший с точки зрения «методологии» К. Маркса пункт. Именно с ним и связано то положение, что *непосредственно-общественный* (т.е. коммунистически-организованный) *труд абсолютно исключает саму возможность* превращения продукта общественного труда в товар, т.е. в стоимость. Принимать этот вывод и отрицать его основание (как то делает тов. Кронрод) – значит вообще порывать со всякой логикой.

(В скобках заметим, что та «независимость друг от друга отдельных – “частных” – работ», о которой у Маркса идет речь в его общей теории стоимости, вовсе не предполагает еще *частной собственности*, – а тем более – частно-капиталистической ее разновидности. Более того, сама частная собственность выступает здесь как *результат*, как *следствие* «частного» характера труда. Частный – здесь вовсе не значит «частнособственнический». «Частный характер» может иметь и труд коллектива, поскольку ему противостоит другой такой же коллектив – в качестве хозяйственно-независимой от него единицы. С этим положением мы имеем дело, например, в процессе разрушения общинной собственности силами товарно-денежных, уже вполне развитых, отношений между общинами. Таким образом, теория стоимости Маркса остается в силе и там, где *частной собственности* в собственном смысле слова еще или уже нет, – а известная «разъединенность» отдельных звеньев общественного производства уже или еще есть, – в каком бы виде, в какой бы форме такая «разъединенность» ни имела места.

Конечно, развитая «независимость» отдельных звеньев общественно-разделенного труда неизбежно отливается в форму частной собственности и находит в ней новую питательную

почву. Но возникает она раньше, чем частная собственность, а потому и умирает позже нее, некоторое время сохраняясь в качестве еще не преодоленного наследия старых, частнособственнических форм разделения труда. Это естественно, ибо коммунизм сразу, декретом, не может преодолеть и преобразовать в коммунистические отношения всю сумму унаследованных им отношений в масштабах всего народного хозяйства...).

С этим пунктом теории стоимости Маркса тов. Кронрод категорически и не согласен. Он считает (см.: Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР), что в данном пункте Маркс ошибался, «полагая», что только продукты более или менее независимых друг от друга отдельных звеньев общественно-разделенного труда вообще могут становиться товарами, т.е. стоимостями.

Тов. Кронроду не нравится, что такое понимание является в нашей науке «распространенным» (см. с. 133). Оно, по счастью, действительно «распространено» шире, чем концепция тов. Кронрода, – ибо это чисто марксистское понимание.

Тов. Кронроду, наоборот, кажется, будто «опыт социализма» свидетельствует против данного вывода Маркса (см.: там же, с. 159), и что *стоимость* в условиях социализма становится «адекватным» выражением непосредственно-общественного характера труда в отдельных звеньях народного хозяйства...

Тов. Кронрод не замечает, что это – сапоги всмятку, что-то вроде не прямой прямизны или непосредственного опосредования... Он не замечает при этом, что зачеркивает не просто «одно из» положений теории стоимости Маркса, а саму суть этой теории, всю теорию от начала до конца...

А получается это по совершенно «естественной» методологической причине. Вместо того, чтобы конкретно исследовать процесс коммунистического обобществления народного хозяйства на стадии социализма – то есть на той стадии, где коммунизм еще не успел до конца преодолеть *все* остатки и последствия прежних форм разделения (или «объединения») общественного труда – в том числе и различия между городом и деревней, между квалифицированным и неквалифицированным трудом, и т.д. и т.п., которые и не дают нашему обществу возможности уже сегодня навек распрощаться со «стоимостью», – тов. Кронрод стал на путь «исправления определений понятий».

Стоимость нельзя вывести прямо из «непосредственно-общественного труда»? – Что ж, тов. Кронрод «раздваивает» это понятие. Оказывается, что «непосредственно-общественный труд» бывает двух разных видов – «социально-однородный» и «социально-неоднородный». Из «непосредственно-общественного, но социально-неоднородного труда» тов. Кронрод благополучно «выводит стоимость»...

Задача марксистского исследования действительности в ее реальных противоречиях развития благополучно подменяется задачей «уточнения понятий», – а на деле – порчей правильных понятий товарного хозяйства, разработанных раз и навсегда Марксом.

От «стоимости» в ее марксистском понимании в результате этих «уточнений» не остается ровно ничего. Они уточняются так, чтобы в них влезал без всякого противоречия (и без анализа) весь «опыт социализма». Вот и все.

Методологическая и теоретическая несостоятельность этой концепции была исчерпывающе обнажена академиком К.В. Островитяновым в его заключительном слове по дискуссии (см.: Закон стоимости и его использование в народном..., с. 485-492).

Академик К.В. Островитянов убедительно показал там, что попытка тов. Кронрода не привела ни к чему, кроме «смещения понятий товарного хозяйства», и что те противоречия в «непосредственно-общественном, но социально-неоднородном труде», из которых тов. Кронрод пытается «вывести» определения стоимости при социализме, оказываются на поверку всего-навсего *вечным расхождением между индивидуально-затраченным – и общественно-необходимым трудом или временем*, – между индивидуальной и нормативно-средней производительностью труда...

«Понятие стоимости» таким образом оказалось начисто сведенным к *количественной стороне* дела. А это значит, что тов. Кронрод взял у Маркса те и только те определения стоимости, которые емугодились, и опустил те, которые мешали его концепции. Последние он пересмотрел в свете «опыта социализма». В итоге из его понимания стоимости выпали все те выводы, которые Маркс сделал из анализа *стоимостной формы* продукта труда («формы стоимости») – и осталась только характеристика стоимости «по содержанию». Стоимость оказалась поэтому охарактеризованной лишь как *«то, что существует также, хотя и в другой форме, во всех других общественных формах»* (см.: Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера. Сочинения, т. XV, с. 475), – то есть неисторически, неконкретно.

С этим связана и та своеобразная «логика», которая характерна для рассуждений тов. Кронрода.

Так, он говорит: «Весь общественный продукт при социализме (за исключением потребляемой натуральной его части в колхозах и подсобных хозяйствах населения) производится и совершает экономический оборот как товарный продукт. Из этого с непреложной очевидностью следует, что *социалистическое производство в целом представляет собой товарное производство*». Но – поскольку это товарное производство *«особого рода»*, – постольку особенность этого рода усматривается в том, что *«товарами при социализме не являются ни фабрики, ни заводы, ни земля, ни рабочая сила»*.

Иными словами, *товаром* при социализме становится весь продукт, за исключением *почти всего*.

По-моему, такая «логика» гораздо хуже, чем «гегельянщина».

\* \* \*

В заключение хотелось бы добавить лишь следующее. Вопрос о Логике «Капитала» – это вопрос достаточно серьезный, чтобы его можно было решить в форме фехтования письмами в редакцию. По той же причине я вовсе не считаю, что в моей книге он решен исчерпывающе и безошибочно. За ряд критических замечаний по тексту я искренне благодарен тов. Кронроду. Вместе с тем я не думаю, что тов. Кронрод является хранителем абсолютной истины в этом вопросе. Такая поза, которую тов. Кронрод принял в качестве критика книги, может быть, и внушительна, но очень неудобна при обсуждении серьезного вопроса.